
Соль
на обороте
карты

Амелия Рейн

Соль на обороте карты

«Автор»
2026

Рейн А.

Соль на обороте карты / А. Рейн — «Автор», 2026

Португалия, конец XIX века. Клэр Вале привыкла доверять точным измерениям, а не чужим словам. Но ошибка на береговой карте приводит её в рыбацкую деревню, где от нескольких линий на бумаге зависят судьбы десятков людей.Здесь она встречает Томаша Фариа — человека, готового бороться за родной берег, но скрывающего собственную ошибку прошлого. Между ними рождается чувство, которому предстоит выдержать недоверие, предательство и трудный выбор между любовью и долгом.Чтобы найти правду, Клэр придётся поставить под угрозу свою карьеру, а Томашу — доказать, что доверие возвращают поступками, а не обещаниями.История о любви, которая не требует отказаться от себя, и о двух людях, решивших вместе начертить собственное будущее.

© Рейн А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Линия на бумаге 6
Глава 2. Берег без имени 9
Конец ознакомительного фрагмента. 10

Соль на обороте карты

СОЛЬ НА ОБОРОТЕ КАРТЫ
Исторический любовный роман
Часть первая. Берег, которого нет

Глава 1. Линия на бумаге

В мастерской Беатрис Соузы море пахло клеем и влажной бумагой.

Клэр давно перестала замечать это несоответствие. На её столе лежали побережья, отнятые у ветра и соли: узкие заливы, россыпи камней, фарватеры, нанесённые твёрдой рукой. Между ними стояла чашка остывшего кофе, а под стеклянным грузом — письмо из Сетубала, доставленное вчера вечером. Человек, написавший его, утверждал, что новая береговая схема неверна. Ни одного числа он не привёл.

Она отодвинула письмо локтем и прижала линейку к краю кальки. На чистовом листе маленькая бухта к югу от Сетубала была обозначена едва заметной выемкой. Рядом стояло: «Подход ненадёжен. Место выгрузки подлежит переносу». Формулировка принадлежала заказчику, а не ей. Её собственная работа заключалась в том, чтобы проверить глубины и перенести данные в окончательный чертёж.

— Вы опять начали до рассвета, — сказала Беатрис, входя без стука.

— До рассвета я только обнаружила, что кто-то измерял глубину там, где на предыдущей карте обозначена суша.

Беатрис сняла перчатки и положила их на подоконник. У неё была привычка слушать не собеседника, а последнюю фразу, которую тот произнёс, будто именно там всегда скрывалось самое важное.

— Изменился берег?

— Возможно. Но глубины могли быть приведены к разным уровням отсчёта. В журнале не указаны часы наблюдений — проверить это пока нельзя.

— Подрядчик ждёт результата к концу месяца.

— Тогда до конца месяца нужно установить, что именно мы вправе ему выдать.

Накануне Клэр уже пыталась восстановить происхождение сомнительных цифр. В шкафу, где мастерская хранила законченные заказы, она нашла копию предварительной ведомости, доставленной вместе с договором. Ведомость была составлена аккуратно, даже изящно: каждое число помещалось в свою клетку, исправления были выведены тонким пером. Но в верхней части страницы, там, где обычно указывали исходный уровень, оставалось пустое место. Клэр поднесла лист к окну, надеясь увидеть стёртую запись. Бумага была чистой.

Второй лист выглядел ещё хуже. На нём глубины были перенесены в новый столбец без указания, чем они отличались от прежних. Рядом стоял красный знак, похожий на распоряжение переписчику. Клэр знала, как легко в мастерской подобный знак превращался в факт: сначала он означал «уточнить», затем — «проверено», а спустя месяц никто уже не помнил, кто поставил его первым.

Она сравнила бумагу с более ранней схемой, где берег был нарисован неуверенно и неровно. Старая схема не обязательно была верной. Но в ней хотя бы оставалось место для сомнения. В новой сомнение исчезло раньше, чем появились доказательства. Именно это тревожило её сильнее всего.

Когда Беатрис вошла, Клэр хотела показать ей обе ведомости сразу. Однако начала с одной ошибки: так их разговор ещё мог остаться профессиональным, а не превратиться в спор о том, как мастерская зарабатывает деньги.

Беатрис посмотрела на карту. В Лиссабоне говорили о новых складах, углублении подходов, более выгодных перевозках. Заказы от людей, строивших будущее, оплачивали чернила и жалованье тех, кто должен был это будущее чертить. Она не была против будущего. Она просто знала цену бумаге.

— Мануэл Араужу обещал оплатить дорогу и проживание. На месте вам дадут лодку.

— Кто даст?

— Его управляющий.

Клэр подняла глаза.

— Мне нужна лодка, которая выйдет туда, куда скажу я, а не туда, где управляющий предпочитает видеть глубины.

Беатрис не улыбнулась, хотя уголок её рта дрогнул.

— Тогда найдите другую. Но не превращайте каждое поручение в спор о независимости.

Клэр провела пальцем по краю листа. С детства ей казалось, что отец работал с миром таким, каким он существовал на самом деле. Он возвращался из плаваний с обветренными руками, доставал тетради, исписанные числами, и говорил, что ошибка в одной цифре может стоить человеку судна. Когда он умер, она нашла в его шкафу незаконченный атлас и десятки пометок, которые понимала лучше, чем письма, написанные ей самой.

— Я спорю не о независимости, — сказала она. — Я спорю о том, что нельзя подписывать незавершённое измерение.

Беатрис взяла со стола письмо из Сетубала. Прочитала, чуть сдвинув брови.

— «Нельзя закрывать пристань, которой пользовались наши отцы». Здесь говорится не о глубинах.

— Именно поэтому я и не знаю, что с этим делать.

— Иногда это хороший повод поехать.

После разговора Беатрис позвала Клэр в маленькую комнату за переплётной. Там стоял стол, на котором хозяйка мастерской принимала заказчиков, и два кресла, давно утративших одинаковую обивку. Беатрис достала из ящика письмо Араужу. Его почерк был широким, уверенным, почти праздничным.

— Он не требует от нас подделки, — сказала она. — Он требует заключения. Разницу я понимаю не хуже вас.

— Тогда почему в приложении уже написано, куда перенесут выгрузку?

— Потому что люди, вкладывающие деньги в склады, заранее считают расходы. Они могут ошибаться. И могут менять планы.

— Расчёт расходов не подтверждает глубину. Для этого нужны промеры и указанный уровень отсчёта.

Беатрис долго складывала письмо по прежним сгибам. Клэр вдруг заметила, что у неё дрожат пальцы. Хозяйка мастерской не была старой, но в последние месяцы слишком часто задерживалась до ночи. На полке стояли коробки с бумагой, купленной в долг. В соседней комнате работали двое переписчиков, которым нужно было платить независимо от того, совпадёт ли действительность с пожеланиями заказчика.

— Вы полагаете, мне легко отправлять вас туда? — спросила Беатрис. — Если мы потеряем этот заказ, следующего может не быть до зимы.

Клэр не ожидала признания и потому ответила не сразу.

— Я поеду, — сказала она. — Проведу столько наблюдений, сколько позволит срок. Но подпишу лишь тот вывод, который они подтвердят.

— Именно за это я вам и плачу, — устало сказала Беатрис. — Просто иногда мне хочется, чтобы истина обходилась дешевле.

Клэр вышла с письмом в руке. Теперь в нём слышался не только голос подрядчика, но и дыхание людей, которых она оставляла в Лиссабоне. Ответственность стала тяжелее, однако не изменила направления.

Когда Беатрис ушла, Клэр раскрыла отцовский атлас. На одной из старых страниц вдоль берега тянулась тонкая синяя линия. Отец оставил рядом вопросительный знак. Не ошибка, не вывод — признание, что он не знает. Клэр долго смотрела на этот знак, прежде чем закрыть книгу.

К полудню она составила перечень приборов: лот, мерную цепь, компас, журнал наблюдений, складную рейку. Затем переписала адрес, указанный в письме. Отправитель не назвал себя владельцем лодки или старостой. Подпись состояла из имени и места: «Томаш Фариа, Санта-Лузия-ду-Мар».

Вечером дома мать спросила, надолго ли она уезжает. Луиза Вале сидела у окна и штопала манжету, хотя света почти не осталось.

— На несколько дней. Может быть, на две недели.

— Ты говорила то же самое, когда уехала заканчивать отцовские записи.

— Я их ещё не закончила.

— Я знаю.

Клэр ожидала упрёка. Вместо него мать аккуратно положила иглу на стол.

— Возьми тёплую шаль. На берегу по вечерам холоднее, чем кажется днём.

За ужином Луиза подала тушёные овощи и хлеб, который с утра лежал под полотенцем. Она не спрашивала о заказчике. Вместо этого рассказывала, что соседская девочка научилась писать своё имя, а у часовщика напротив снова остановились большие часы. Клэр слушала, но ловила себя на том, что мысленно раскладывает инструменты по футлярам.

— Ты даже соль не взяла, — заметила мать.

Клэр посмотрела на тарелку. Соль стояла прямо перед ней.

— Я забыла даже о соли.

— Ты всегда так говоришь перед дорогой.

— И всегда что-нибудь забываю.

Луиза отломила кусочек хлеба. Несколько минут они ели молча. Клэр знала, что мать могла бы спросить о более важном: почему дочь вновь выбрала поездку, а не спокойную работу в городе; почему всякий разговор об отце заканчивался ссорой или тишиной. Но Луиза умела не касаться раны, если не была уверена, что сможет помочь её перевязать.

— Когда твой отец уезжал, — сказала она наконец, — он оставлял мне список вещей, которые непременно забудет. Потом находил этот список в кармане и смеялся.

— Он забывал чаще меня.

— Да. Но умел возвращаться за забытым.

Луиза опустила глаза, словно пожалела о сказанном. Клэр могла бы напомнить ей, что в последний раз отец не вернулся. Вместо этого спросила, не нужно ли купить что-нибудь по дороге обратно. Мать попросила хороших ниток. Обе с облегчением ухватились за эту простую просьбу.

В комнате стоял старый сундук отца. Клэр иногда думала, что его молчание занимает больше места, чем когда-то занимал он сам. Она открыла сундук, нашла кожаный футляр для инструментов и на мгновение увидела под ним связку писем. Последнее, отправленное отцом, она так и не прочитала до его возвращения — возвращения, которого не было. Она закрыла крышку прежде, чем мать успела заметить, куда упал её взгляд.

Утром поезд увёз её из Лиссабона. За окнами мелькали стены садов, низкие дома, полосы земли, выжженной солнцем. Клэр развернула новую схему и попыталась представить себе бухту, которую пока знала только по бумаге. В документе было слишком много прямых линий для места, где люди жили с приливом.

На полях журнала она написала: «Не принимать береговую отметку без проверки исходного уровня». Чуть ниже добавила: «Выяснить, кому принадлежит формулировка о переносе выгрузки».

Это было первое поручение, которое она дала самой себе, а не получила от заказчика.

Глава 2. Берег без имени

Санта-Лузия-ду-Мар встретила её не морем, а шумом железных колёс по камню.

Повозка, нанятая в Сетубале, остановилась перед домом с белёными стенами. На площади пахло рыбьей чешуёй, нагретой пылью и хлебом. Женщины сидели у дверей с сетями на коленях; мальчик в коротких штанах гнал перед собой обруч. Никто не казался удивлённым приезду женщины с дорожным футляром, пока она не попросила показать дорогу к пристани. Тогда несколько взглядов задержались на футляре.

Хозяйка комнаты, которую ей отвели над пекарней, указала в сторону моря и сказала:

— Только не слушайте господина Араужу, если он будет говорить, что у нас нет бухты. Мы в ней рыбу ловим уже дольше, чем он живёт.

Клэр хотела спросить, что именно та имеет в виду, но хозяйка уже ушла за водой. На пристани она увидела низкие лодки, вытянутые на песок, мокрые канаты и тёмную полосу водорослей на камнях. Две девочки переносили корзину с поплавками, а мужчина чинил борт судёнышка, не поднимая головы.

Прежде чем подойти к складу, Клэр остановилась у женщины, взвешивавшей рыбу на низком столе. Покупательница спорила о цене, указывая на влажную корзину, но продавщица не повысила голоса и только переставила гирю. Спор закончился тем, что покупательница забрала меньшую рыбу и ушла, недовольно шурша юбкой.

— Вы ищете кого-то? — спросила продавщица.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.